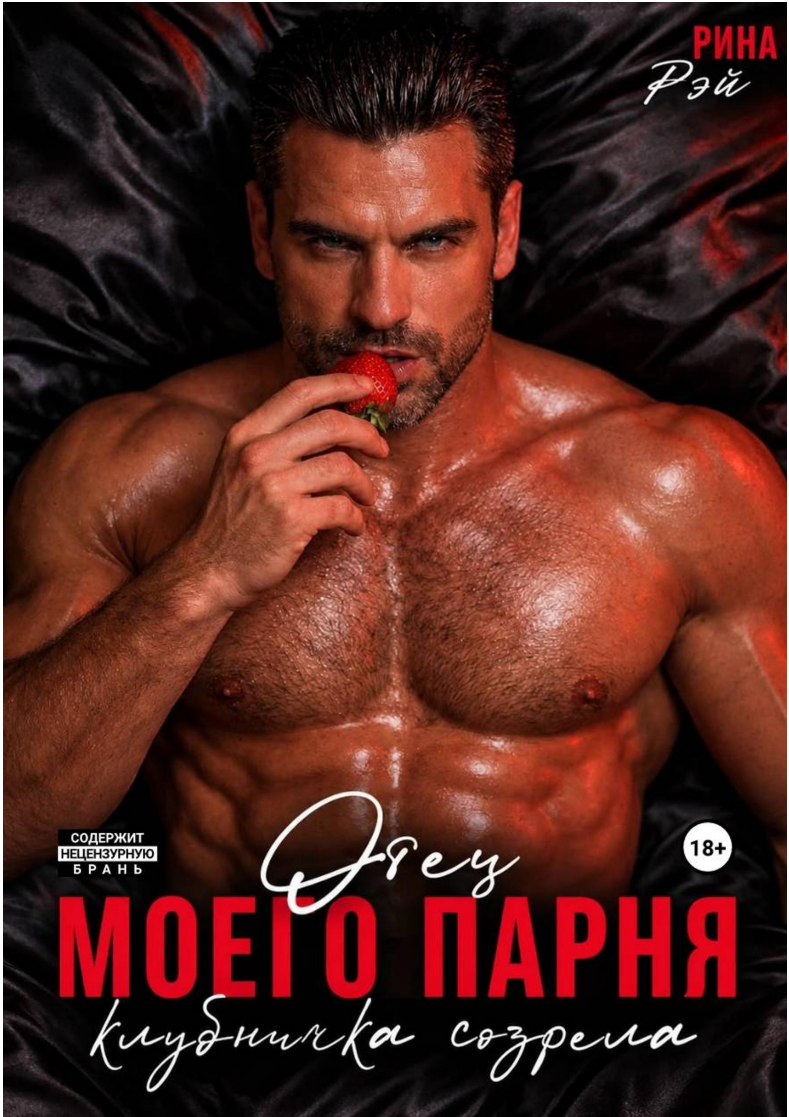

РИНА
Рэй
Отец
МОЕГО ПАРНЯ
клубничка созрела
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Рина Рэй

Отец моего парня. Клубничка созрела

https://litres.ru/74750678
SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь не была идеальной, как в сказках или кино. Совершенно обычная для девятнадцатилетней девушки. Учёба, работа, парень. Но всё изменилось после глупой случайности. И теперь отец моего парня хочет меня себе.

Содержание

Глава 1. Тортик 4
Глава 2. Клубничка 43
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Отец моего парня. Клубничка созрела

Глава 1. Тортик

София

В кафе «У Шарлотки» три часа дня. Тишина, которую нарушает только жужжание кофемашины да тихая джазовая композиция из динамиков. Я, в фартуке поверх белой рубашки, с русой косой и веснушками на переносице, старательно протираю и без того чистую стойку. Второй раз за час.

— Вроде бы всё блестит, — шепчу себе под нос, переставляя чашки на полке.

Посетителей нет.

Администратор Лена ушла в подсобку смотреть сериал, и я осталась одна. Чувствую себя глупо, делая вид, что сильно занята. Протирка превращается в ритуал. Поправляю салфетки в диспенсере. Пересчитываю сдачу в кассе — в десятый раз.

«Может, позвонить Антону?» — думаю, доставая телефон. Но тут же убираю: он сказал, что у него важная встреча и вечером он заедет за мной со своими друзьями. Мы все поедем отдыхать на его дачу. Точнее, на дачу его отца, пока тот в командировке.

За окном моросит осенний дождь, всюду лужи, по стеклу сползают капли, делая картину ещё более унылой. Скука.

И тут я замечаю её.

Красное пальто на сером фоне улицы. Катя идёт быстрой, уверенной походкой, не замечая луж. Узнаю́ эти длинные прямые волосы, выкрашенные в холодный блонд, и то, как

она держит плечи — словно весь мир должен ей просто потому что. Катя — подруга Антона. Часть его компании.

Она останавливается перед витриной, поправляет волосы и, заметив меня, широко улыбается. Я радостно машу ей в ответ. Мне приятно. «Вот, хоть кто-то зашёл. И не просто кто-то, а друг Антона! Значит, всё-таки замечают меня не только как "девушку Антона"».

— Сонька! Привет, зайка! — Катя влетает в кафе, скидывая мокрый зонт прямо на пол. — Боже, ты тут работаешь? Как мило.

Смущённо поправляю фартук:

— Привет, Кать. Да. Ты за кофе? У нас отличный раф.

— Ой, Сонь, ты просто не представляешь, какая я голодная! С самого утра во рту ни крошки. — Катя садится на высокий стул у барной стойки, закидывая ногу на ногу так, что край юбки поднимается неприлично выше колена. Она не замечает или делает вид. — Ты же угостишь свою любимую подругу? А то я совсем на мели. — Она невинно хлопает длинными ресницами.

«Подругу» — мне приятно слышать такие слова. У меня никогда не было близких подруг.

— Конечно! — улыбаюсь я и уже иду к кофемашине. — Какой кофе?

— Латте ванильный двойной. И… — Катя смотрит на витрину. — Брауни с орехами. И чизкейк. Не люблю выбирать, так что давай оба.

Внутри ёкает: брауни и чизкейк — почти вся моя дневная смена. Но нельзя, же оставить её голодной. Тем более что у неё сейчас сложная ситуация с деньгами. Антон всегда говорил, что надо быть проще, щедрее и добрее к людям.

Я набираю заказ, мысленно вычитая его из своей зарплаты.

— Держи! — ставлю перед Катей высокую кружку с пеной и две тарелки с десертами. Она даже не говорит «спасибо». Отпивает кофе, морщится:

— Малосладкий. Но ладно, сойдёт.

Я теряюсь от недовольного комментария, но быстро беру себя в руки и тут же улыбаюсь:

— Могу добавить сиропа.

— Не парься. — Катя откусывает половину чизкейка, крошки падают на стол. Она смотрит на меня с каким-то странным, изучающим выражением. — Слушай, а вы с Антоном как? Всё хорошо?

— Да. У него сейчас столько планов! Он хочет свой бизнес

открыть…

— Ага, знаю, — перебивает Катя, криво улыбнувшись. — Он про это много говорит. Особенно по ночам.

Мои брови хмурятся. Мне неловко такое спрашивать, но какое-то нехорошее предчувствие ворочается в груди.

— Правда? Ты с ним общаешься по ночам?

— Ну да, — Катя отодвигает пустую кружку и берётся за брауни. — Мы же друзья. Тесные такие. Антон вообще душевный парень, если узнать его поближе.

Я киваю, принимая ответ, но тревога внутри не отпускает.

Катя резко встаёт, поправляет волосы, подхватывает с пола зонт. Десерты съедены, кофе выпит. На столе — крошки и влажный след от кружки.

— Ладно, Сонь, я побежала.

— А… — я мнусь на месте, всё ещё надеясь, что гостья задержится, расскажет об Антоне что-то ещё. О чём они переписываются? — Может, ещё чай?

— Ой, зайка, ты такая добренькая. — Она наклоняет голову, глядя на меня как на щенка. — Ты всегда такая заботливая? Со всеми?

Щёки вспыхивают, и я не знаю, комплимент это или вопрос.

— Ну… Я просто люблю делать приятное.

— Это заметно, — Катя усмехается одними уголками губ. — Очень заметно. Антон, наверное, на седьмом небе от счастья.

Она идёт к двери, но на пороге оборачивается.

— Знаешь, Сонь… Ты слишком хорошая для этого мира. Честно.

— Правда?

— Ага. — Её глаза холодные, но голос приторно-сладкий. — Нежная. Доверчивая.

— Это хорошо, наверное? — неуверенно спрашиваю я.

— Конечно, зайка. Пока.

Дверь закрывается. Я медленно убираю со стола. На ободке кружки — след от чужой помады. Ярко-алый, будто кровь на белой эмали. Тру его тряпкой, и в голову приходит дурацкая мысль:

«Доверчивая. Нежная». Странно. Но она же улыбалась. Значит, хочет дружить. Наверное.

Тряпка замирает в руке на секунду. Потом качаю головой и усмехаюсь собственной мнительности.

— Глупости, — говорю вслух. — Она просто добрая. И смешная.

Сзади из подсобки выходит администратор Лена.

— Клиентка ушла? Опять кого-то бесплатно угощала? Сонь, ты дура, что ли?

— Катя — подруга Антона, — тихо отвечаю, оправдываясь. — Мы теперь тоже подруги. Она сказала, что я слишком хорошая для этого мира. Это же приятно, правда?

Лена смотрит на меня как на инопланетянина. Открывает рот, закрывает. Потом машет рукой и уходит обратно смот-

реть сериал.

Я остаюсь одна. Достаю телефон. От Антона — сообщение: «Я освободился. Заеду за тобой в восемь. Будь готова к этому времени. Не задерживайся».

Вечер. До закрытия остаётся минут десять. За окном уже темно, дождь усилился. Тяжёлые капли барабанят по стеклу. Я мою кофемашину в последний раз, когда звякает колокольчик.

— Добрый вечер, — говорю на автомате, не поднимая головы. — Мы закрываемся через…

Поднимаю глаза и замолкаю.

Передо мной мужчина. Под два метра ростом. Чёрные короткие волосы, влажные от дождя, зачёсаны назад. Серые глаза в обрамлении густых бровей смотрят хищно. Черты ли-

ца грубые, угловатые. Под глазами — тени усталости, и короткая щетина делает его опасно притягательным.

Я невольно делаю шаг назад. Он такой… большой. От него веет уверенной силой и контролем, от которых внутри всё сжимается — то ли от страха, то ли от чего-то другого.

— Закрываетесь? — Его голос низкий, спокойный и немного хриплый, словно он долго молчал.

— Да, но… — я сглатываю, заставляя себя вежливо улыбнуться. — Если вам что-то нужно, я могу быстро…

Уголок его рта тянется вверх в добродушной ухмылке. И она меняет всё. Хищные глаза теплеют, и он становится… чертовски обаятельным. У меня внутри что-то ёкает. Совсем не так, как от слов Кати. По-другому. Волнующе.

— Ты всегда так смотришь на клиентов? — спрашивает он и совсем немного наклоняется вперёд.

— Как? — выдыхаю я.

— Как на привидение.

— Простите…

Щёки снова предательски теплеют. Он замечает, и его ух-

мылка становится шире. Боже… какой же он красивый, когда улыбается.

— Мне просто двойной американо с собой, — говорит он. — Без сахара и сиропа.

— Сейчас сделаю.

Пока варю кофе, чувствую его взгляд на своей спине. Ладони потеют, руки слегка дрожат. Я делаю глубокий вдох.

Спокойно, Соня. Обычный клиент.

Мужчина облокачивается на стойку, наклоняясь чуть ближе.

— Ты здесь давно работаешь?

— Третий месяц. — Ставлю стакан на стойку. Он протягивает карту, я берусь за неё, но он не отдаёт. Поднимаю взгляд.

— И всегда так боишься посетителей?

Мотаю головой.

— Только вас.

Он подаётся ещё немного ближе, и я чувствую запах его одеколона. Что-то древесное с ноткой свежести.

— Значит, я особенный? — Его голос тише, вкрадчивее. От него по телу бегут приятные мурашки.

Я теряю дар речи, чувствуя, как тепло с лица перебирается на шею.

Он флиртует со мной? Не может быть. Мне просто кажется. Хватит уже смущаться, как школьница, София. Возьми себя в руки.

Мужчина видит мою реакцию. Он издаёт тихий удовлетворённый смешок, выпрямляется и наконец отпускает карту. Я выбиваю чек, избегая ответа. Но вдруг набираюсь смелости. Сама не знаю откуда.

— Можно вопрос? — говорю робко.

Мужчина поднимает бровь. Ухмылка остаётся на месте.

— Вы… сладкое едите?

Пауза. Он молча смотрит на меня, и мне кажется, что я сейчас провалюсь сквозь землю.

— Я спрашиваю, потому что… — тараторю я. — У нас десерт дня. Тортик с клубникой.

Он усмехается. По-настоящему.

— Я сладкое не ем.

— Ах, ну… Может, для своей девушки? — Я опускаю глаза, чувствуя себя полной дурой.

— Для девушки? — повторяет он задумчиво. — Заверните.

Я достаю с витрины тортик в коробочке, украшенный клубникой. Ставлю перед ним на стойку.

— У меня нет девушки, — вдруг говорит он.

Я хлопаю глазами, не понимая.

— Но вы же не едите…

— Не я.

— А тогда зачем?..

Он снова улыбается этой своей обаятельной ухмылкой и, положив на коробочку ладонь, отодвигает её обратно ко мне.

— Для тебя. — Он усмехается. — За кофе и… за милые красные щёчки.

Вспыхиваю до корней волос, открываю рот, чтобы что-то сказать. Смущённо поблагодарить или отказаться? Подмигнув мне, он забирает свой американо и уходит, но у дверей оборачивается и вдруг спрашивает:

— А у тебя есть парень?

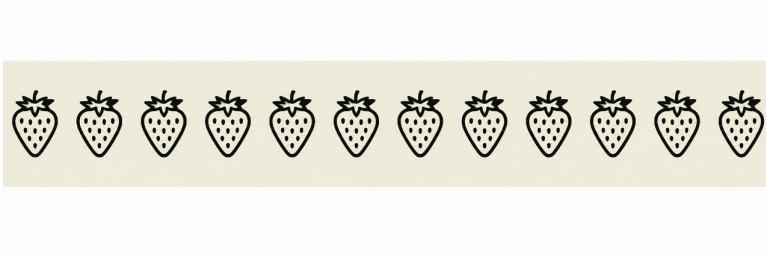
— Есть, — говорю на автомате.

— Ему повезло. — Он кивает. В глазах ни тени разочарования. Только лёгкая усмешка. — Хорошая ты. Клубничка.

Хлопает дверь.

Я смотрю в окно, как он идёт к чёрной и явно дорогой иномарке. Садится за руль. Двигатель оживает, фары разрезают темноту. И он уезжает.

А я стою с глупой улыбкой на лице. На стойке — подаренный им тортик. Там, где лежала его ладонь, осталась тысячная купюра. Чаевые, которые я заметила только сейчас. А в голове одна мысль: Почему Клубничка?

После закрытия кафе я уже переоделась и стою на крыльце. Сапоги намокли, как и куртка. Подъезжает серая иномарка Антона. Короткий громкий сигнал — он не любит ждать.

— Давай быстрее. По дороге ещё в магазин надо будет заехать.

Открываю дверь и сажусь на переднее сиденье.

— Привет, — чмокаю его в щёку.

Он даже не поворачивает головы. Просто кивает и жмёт на газ.

— Ну как твоя смена? — бросает небрежно.

— Нормально, — отвечаю я.

Но в мыслях — не Антон. И даже не его нетерпеливый тон.

Чёрная машина. Серые глаза. Усталая ухмылка. И торт, который он купил, но оставил мне.

Сзади кто-то шумно выдыхает. Я оборачиваюсь. Катя. Сидит между двумя друзьями Антона, скрестив руки на груди. Смотрит на меня с таким выражением, будто я у неё что-то украла.

— О, Кать, — говорю я. — Привет ещё раз.

— Ага, — цедит она сквозь зубы. — Привет.

Антон бросает на неё быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Катя отворачивается к окну. Наверное, она просто не в настроении.

Откидываюсь на сиденье. В кармане куртки — чаевые от того мужчины. Держу руку в кармане и неосознанно глажу гладкую купюру.

— Сонь, — Антон прерывает тишину. — Ты сегодня какая-то задумчивая.

— Просто устала, — вру я.

А сама думаю о том, как тот мужчина смотрел на меня.

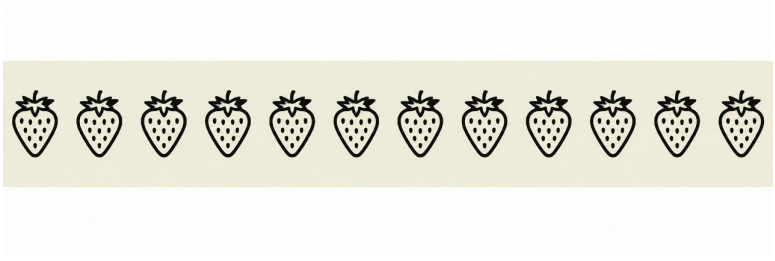
«Почему я о нем думаю? Меня раньше никогда не привлекали взрослые мужчины. Это же… Неправильно. Да?»

Вопрос остаётся без ответа, и волнение от случайной встречи никуда не уходит.

Салон заполняется музыкой. Друзья Антона обсуждают

какую-то ерунду. Катя молчит и буравит меня взглядом из темноты.

Я закрываю глаза. И в темноте вижу другие — серые глаза в обрамлении густых бровей.

Дорога до дачи заняла около часа. За городом дождь наконец закончился — сначала превратился в мелкую морось, а потом и вовсе стих. Асфальт сменился грунтовкой, машину начало потряхивать на ухабах. Антон за рулём молчал, иногда бросая короткие взгляды в зеркало заднего вида. Я сидела на переднем сиденье, прижимая к груди пакет с продуктами. В ногах — второй.

Багажник занят алкоголем, Катиной сумочкой и колонкой.

— Не прижимай так, помнёшь всё, — бросил он, не глядя.

Я ослабила хватку, но пакет всё равно упирался мне в живот. Сидеть так было неудобно, но я не жаловалась. Просить Антона убрать хотя бы один пакет назад было бесполезно: Катя ещё у магазина стала капризничать, что сзади тесно и с пакетами в ногах она никуда не поедет.

— Скоро приедем, — сказал он, сворачивая в лесополосу. — Там отдохнём нормально.

— Ещё как отдохнём, — эхом отозвалась Катя сзади. В её голосе мне послышалась насмешка. Я облегчённо выдохнула. Хотелось поскорее распрямиться из неудобной позы, от которой уже ныла спина.

Дом появился неожиданно — за поворотом, среди высоких сосен. Двухэтажный современный сруб из тёмного бруса, с большой террасой и большими окнами. В темноте он казался огромным и немного пугающим. Вокруг было тихо, только ветер шуршал в кронах. Ни суеты, ни шума города — лишь тишина и чистый, влажный после дождя воздух.

— Офигеть, — выдохнул кто-то из друзей Антона сзади.

— Дача отца, — небрежно бросил Антон, глуша двигатель. — Он в командировке, так что можем гулять.

Мы выгрузились из машины. Я разогнула спину, чувствуя, как уходит напряжение, и сделала глубокий вдох. Воздух пах хвоей и мокрой землёй — после дождя этот запах был густым, почти осязаемым. Здесь было хорошо. Спокойно.

— Чего встала? — окликнул меня Антон. Он уже стоял на крыльце с двумя пакетами в руках. — Тащи остальное.

Катя и друзья пошли к дому, болтая и тихо посмеиваясь. Катя закурила.

Я суетливо подхватила пакеты и поспешила за ними.

— Тебе помочь? — спросил Дима, один из парней, уже стоя на крыльце.

— Сама справится. Не маленькая, — ответил Антон, открывая дверь. Катя ухмыльнулась, будто Антон сказал что-то смешное, и, когда я подошла ближе, выдохнула дым от сигареты прямо мне в лицо. Дым попал в глаза, в нос, в лёгкие. Я закашлялась. Руки заняты, не отмахнуться.

— Ой, прости. Я тебя не заметила, — бросила она через плечо, заходя в дом и выкидывая окурок на газон.

— Ничего страшного. Всё нормально.

Я захожу последней.

Внутри дом оказался ещё больше, чем казался снаружи. Гостиная с высокими потолками, огромный диван, камин — настоящий, с дровами в решётке. На стенах — охотничьи трофеи и несколько старых картин в деревянных рамах. В

углу стоял массивный дубовый стол, за которым могли поместиться человек десять. Всё выглядело дорого, но по-домашнему уютно.

— Ну, погнали! — Антон хлопнул в ладоши, когда мы затащили пакеты на кухню. — Разгружаемся!

Началась суета. Я взялась нарезать салаты, кто-то искал открывашку, кто-то уже наливал себе виски в первый попавшийся стакан. Антон взял на себя роль главного — командовал, куда что ставить, кого послать за дровами, кому наливать.

— Кать, помоги, пожалуйста, разложить закуски по тарелкам, — позвала я девушку.

Катя сидела на диване, закинув ногу на ногу, и была поглощена своим телефоном. Изо рта у неё надулся большой пузырь жвачки и лопнул, облепив красные от помады губы.

— У меня маникюр свежий. Не хочу портить. Ты же и без меня справишься, да?

«Свежий маникюр? Она же на мели. Сама сегодня сказала».

— Сонь, сходи до машины. Принеси колонку, — потребовал Антон, уже чокаясь с друзьями стаканчиками.

Я кивнула и вышла.

Как назло, кнопку багажника заело, и он никак не хотел открываться. Я подумала что он заперт. Вернулась в дом за ключами, бросила мимолетный взгляд на стол. Антон с друзьями уже опустошили половину бутылки. Взяв с полки ключи я вернулась к машине. Вставила ключ. Он не только не открыл багажник но ещё и застрял.

«Антон меня убьёт».

Повозившись с ним несколько минут, я всё-таки смогла открыть дверцу и забрать колонку. Ключ и замок слава богу не пострадали.

Когда я вернулась, Антон был уже заметно навеселе. Глаза блестели, движения стали резкими, размашистыми. Он стоял у стола с рюмкой в руке и громко рассказывал какую-то историю, перебивая сам себя смехом.

«Меня же не было всего ничего. Сколько он успел выпить, пока меня не было?»

Друзья слушали, поддакивали, смеялись. Катя сидела на диване, забросив ногу на ногу, и потягивала красное вино и… ела мой торт, который подарил тот мужчина. Её поза была расслаблена. Она лениво качала ногой и пила вино так, как показывают в фильмах. Важно. С оттопыренным мизинцем.

Сняв обувь, я подошла к ней, не замечая, как сжимаю пальцы на ручке колонки.

— Катя, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но в тоне всё равно проскользнула явная обида. — Это был мой торт. Где ты его взяла?

Она повернула ко мне голову, словно сделала одолжение, и махнула изляпанной в торте рукой в сторону кухонного стола.

— На столе. Он лежал в общей куче вместе с остальными продуктами. Как я должна была понять, что он твой? — Она говорила так, будто это я виновата. — И вообще, тебе что, жалко какого-то торта для подруги?!

Я поджала губы, чувствуя, как в горле собирается ком. Почему-то стало до боли обидно, но устраивать сцену… Нет, так я поведу себя как ребёнок и все будут смеяться. Я ведь

действительно сама поставила коробку на стол, когда разбирала сумки. Машинально. Наверное, просто забыла о ней в суете.

— Соня, иди сюда, — позвал Антон, заметив меня. — Выпей с нами.

— Я не пью, ты знаешь, — тихо ответила я, разворачиваясь к нему.

— А зря. — Он подошёл ближе, забрал колонку, оставив её в стороне, и положил руку мне на талию. Пальцы сжали сильнее, чем нужно. — Расслабься хоть немного. Хватит быть паинькой.

— Я не паинька, просто…

— Просто-просто, — передразнил он. — Ладно, иди сядь. Мы сейчас мангал разожжём.

На улице, у мангала, компания быстро развеселилась окончательно. Антон пил больше всех — сначала виски, потом пиво, потом снова виски. Он громко кричал, обнимал друзей, но каждый раз, когда я оказывалась рядом, его настроение менялось.

— Ты чего такая скучная? — спросил он, наклоняясь ко мне. От него пахло алкоголем и дымом сигарет. — Мы отдыхать приехали, а ты как на похоронах.

— Я отдыхаю, — мягко сказала я. — Просто тихо.

— Тихо — это скучно. — Он взял меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза. — Со мной не бывает скучно, поняла?

Я кивнула. Он отпустил меня и отошёл к мангалу, откуда уже тянуло дымком и жареным мясом.

Через час он был пьян в стельку. Шатался, говорил заплетающимся языком, но при этом становился всё агрессивнее. Друзья делали вид, что не замечают. Катя активно делала фото себя и всего вокруг.

— Пойдём, — сказал Антон, вдруг схватив меня за руку.

— Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Он потащил меня в дом, вверх по лестнице. Я едва поспевала за ним, спотыкаясь на ступенях.

— Антон, куда мы? Как же друзья?

— Друзья подождут.

В одной из спален на втором этаже он толкнул меня на кровать. Я упала на мягкое покрывало, не успев сориентироваться. Антон навис сверху. Его лицо оказалось совсем близко, и моё лицо обдало запахом перегара и сигарет.

— Ну что, — сказал он, проводя рукой по моей щеке. — Остались только мы.

— Антон, я… — я попыталась сесть, но он прижал меня обратно. — Ты пьяный. Давай лучше спустимся к остальным?

— Не хочу к остальным. — Его голос стал низким, почти угрожающим. — Хочу тебя. Два месяца уже. Два месяца ты меня кормишь завтраками.

— Я не…

— Да или нет? — перебил он. — Сегодня. Сейчас.

Я смотрела на него и не узнавала. Мой Антон, с русой шевелюрой, красивыми голубыми глазами и обаятельной улыбкой, пропал. Этот человек, с красными белками глаз и сжатыми от злости челюстями, не был похож на того Антона, которого я знала. Или был? Я вдруг поняла, что не уверена.

— Нет, — сказала я тихо. — Я не хочу. Я не готова.

— Вечно ты не готова, — прошипел он. Оттолкнулся от кровати, встал. — Два месяца, София. Два месяца я жду, как дурак. Трачу на тебя время, деньги… Водил два раза в кафе! — Он усмехнулся, горько и зло. — А ты? Ты даже не ценишь.

— Я ценю, просто…

— Что просто? — Он повысил голос. — Боишься? Все боятся первый раз. Ты вообще меня любишь? Или нет?

— Люблю… — прошептала я неуверенно.

— Тогда в чём проблема?

Я не знала, что ответить. Я не умела объяснять словами

то, что чувствовала, — страх, давление, вину за то, что не могу дать ему то, что он хочет. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах было разочарование. Такое тяжёлое, что у меня заныло в груди.

— Ладно, — сказал он, как сплюнул. — Делай что хочешь.

Он развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Я осталась сидеть на кровати, сжимая в руках край покрывала.

Не знаю, сколько просидела так. Минуту. Десять. Внизу слышались голоса, смех, звон посуды — компания продолжала веселиться, не замечая, что меня нет. Или замечая, но не придавая значения.

В груди было пусто и холодно, в горле стоял ком. “Он прав”, — подумала я. Два месяца. Он терпит. Он любит меня, а я не могу сделать для него самый простой шаг. Что со мной не так?

Я вытерла глаза — даже не заметила, когда начала плакать. Встала. Подошла к зеркалу. На меня смотрела растерянная девушка с красным носом и виноватым взглядом.

Я могу сделать ему приятно. Не обязательно… Не обязательно полностью. Но могу сделать так, чтобы он не злился.

Чтобы он понял, что я стараюсь.

Решение пришло неожиданно. Оно было неправильным — я это знала. Но чувство вины перевешивало. Я не хотела, чтобы Антон думал, будто он мне не нужен. Не хотела, чтобы он искал утешения на стороне.

Я поправила волосы, вытерла лицо и вышла из комнаты.

Внизу всё ещё гудели. Антона нигде не было видно. Я спустилась на первый этаж. Дима и Саша играли за столом в карты, спорили и смеялись. Антона с ними не было. Как и Кати.

— Вы не знаете, где Антон? — спросила я тихо.

Парни переглянулись удивлённо.

— Он разве не с тобой? — спросил Дима. Я отрицательно покачала головой.

— А Катя где? — спросила я, оглядываясь, будто она могла спрятаться где-то здесь.

— Она сказала, что голова заболела, и ушла спать, — бросил Дима, возвращаясь к игре.

— Тогда пойду поищу Антона.

Парни махнули рукой, начиная новую партию. Я прошла через гостиную, заглянула во все комнаты на первом. Пусто. Только одна дверь оказалась заперта. Наверно, в этой комнате спала Катя.

Я поднялась на второй этаж. Коридор был длинным, с несколькими дверями по обе стороны. Половицы поскрипывали под ногами. В самом конце одна из дверей оказалась приоткрытой. Из щели падал на пол тусклый свет. Стараясь ступать как можно тише, я подошла к ней и тихонько приоткрыла, чтобы не скрипнули петли.

Комната была почти пустой. Только кровать, большой шкаф и лампа на тумбочке. А на кровати… мужской силуэт.

Он лежал на спине. Лица не было видно — только очертания. Голова на подушке, руки вдоль тела. Я подумала, что Антон пришёл сюда после ссоры. Подумала, что он, наверное, всё ещё злится, но если я подойду сама…

Я вошла внутрь и закрыла за собой дверь. Сердце бешено колотилось в груди. В комнате пахло деревом и чем-то ещё — знакомым, но я не могла вспомнить откуда знаю этот за-

пах.

— Антон… Ты спишь?

Он не ответил.

Я сделала шаг, второй. Половица скрипнула. Силуэт не шелохнулся — спал? Или просто не хотел смотреть на меня и разговаривать?

“Всё ещё сильно обижается”, — подумала я. Вокруг темно. “Хорошо. Он не увидит моё лицо. Не увидит как трясутся руки. Я просто сделаю это, и он простит меня”.

Я подошла к кровати. Нашла его лицо на ощупь и, наклонившись, поцеловала. За собственным страхом и волнением даже не заметила, что от него не пахнет алкоголем и как кольнуло кожу щетина. Антон что-то неразборчиво промычал мне в губы.

Приняв это как сигнал к продолжению, я осторожно села на постель рядом с ним. Антон даже не пошевелился. Его дыхание было ровным, глубоким — казалось, он действительно спал. Или просто ждал.

Протянув руку с дрожащими пальцами я осторожно накрыла ладонью его пах через штаны. Сердце колотилось так сильно, что, наверное, было слышно в тишине. Я не знала, что делаю. Я никогда этого не делала. Но я хотела, чтобы Антон простил меня. Хотела, чтобы он понял — я стараюсь и люблю его.

Сделав глубокий вдох я стянула его штаны вниз и наклонилась.

Глава 2. Клубничка

Тимур

Поездка вышла дерьмовой. Не в том смысле, что что-то пошло не так, а в том, что она выжала меня досуха. Десять часов за рулём, три встречи, одна из которых закончилась глубоко за полночь в прокуренном ресторане. Тело гудело, как высоковольтный провод, а в голове звенела пустота. Единственное, чего я хотел, — тишина. Душ. И горизонтальное положение на своей кровати, подальше от людей.

С этой мыслью я и свернул с трассы к городу, когда веки стали наливаться свинцом. Ещё немного — и усну за рулём.

«Надо кофе. Крепкий. Без сахара».

Я почти проехал мимо кафе с пожелтевшей от времени вывеской «У Шарлотки». Но свет горел, и я дёрнул руль вправо.

Когда я вошёл, первым, что я почувствовал, был запах. Ваниль и что-то ягодное. Клубника, кажется. А потом я увидел её.

Русые волосы убраны в косу, а на носу и скулах рассыпаны веснушки. Боже, какая же она маленькая. На вид ростом едва дошла бы мне до груди.

«Миленькая».

Она испугалась. Я видел это по её карим глазкам — они стали размером с блюдце. Меня часто боятся при первой встрече. Габариты, тяжёлый взгляд. Но я, честно говоря, был слишком вымотан, чтобы играть роль грозного бизнесмена. Я просто попытался улыбнуться, чтобы она перестала шарахаться от меня, как от привидения.

И тут случилось странное.

Она покраснела. Густо, от шеи до корней волос. Вся эта бледная кожа вдруг стала розовой. Я смотрел на то, как румянец заливает её щёки, и почувствовал, как внутри что-то просыпается.

Азарт. Мне захотелось сделать так, чтобы она покраснела ещё сильнее. Чтобы причина этого румянца была во мне.

— Ты всегда так смотришь на клиентов? — спросил я, чуть наклоняясь вперёд. Она что-то пролепетала в ответ, со-

всем растерявшись, и я почувствовал себя лучше. Усталость никуда не делась, но к ней примешалось какое-то тепло.

А потом был этот момент.

Она потянулась к верхней полке пытаясь что-то найти. Когда видимо не нашла, нагнулась к тумбе, и её юбка, которая ранее задралась, натянулась на округлой попке, открывая вид на внутреннюю сторону бёдер. Я замер.

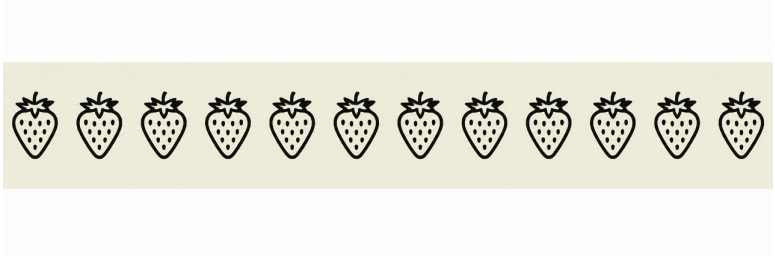
Трусики. Белые. И на них — маленькие красные клубнички. Рисунок такой наивный, совершенно несексуальный в обычном понимании. Но у меня пересохло во рту. Это было до чёртиков мило и одновременно сносило крышу. Потому что она не знала, что я вижу.

Я усмехнулся про себя. Усмехнулся так, как не усмехался уже давно. По-доброму.

«А вечер становится всё лучше».

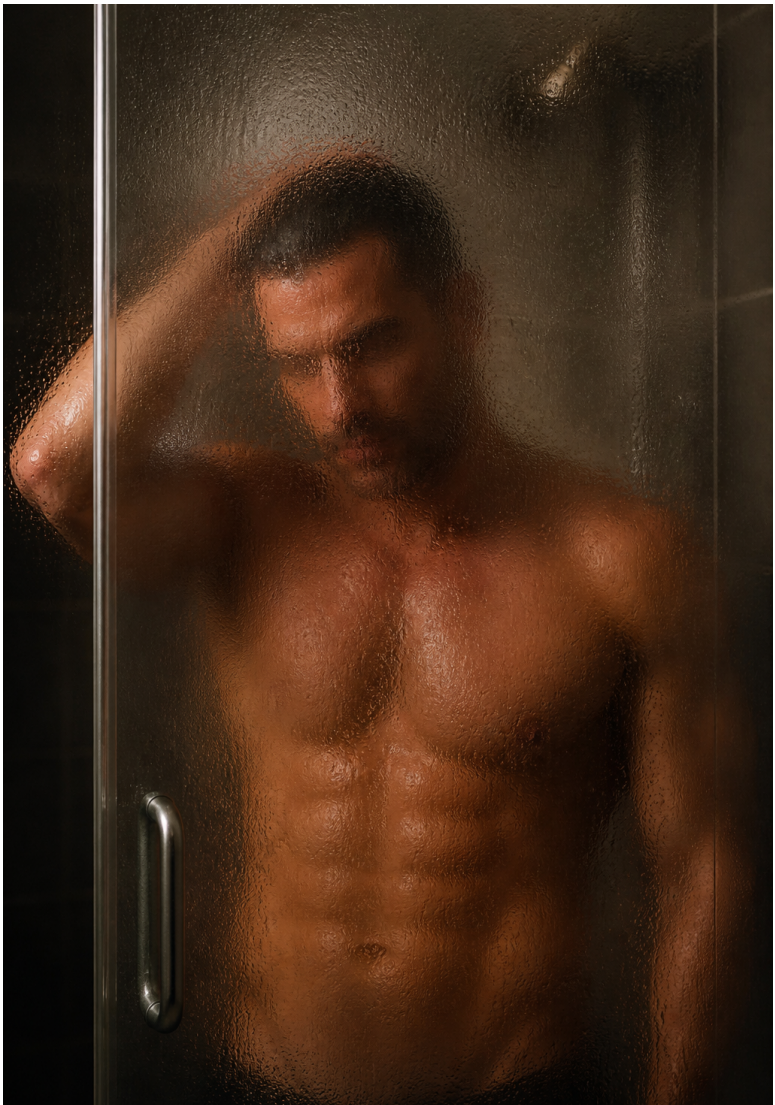
Я оставил ей чаевые и этот торт. Глупость, конечно. Но когда я садился в машину, сжимая горячий стакан с кофе, в голове крутились не цифры контрактов, а её глаза. Карие, блестящие, испуганные и… заинтересованные. Как у оленёнка.

«Надо будет заехать ещё в это кафе. Просто посмотреть. Как там у неё дела, у Клубнички».

Дом встретил меня спасительной тишиной. Я загнал машину в гараж, закрыл ворота и пошёл в дом.

В доме было прохладно, пахло деревом. Я стянул с себя пропахшую дорогой одежду, кинул её прямо на пол в ванной и встал под горячие струи. Вода смывала не только грязь, но и остатки мыслей.

В спальне, натянув на себя серые штаны, я упал на постель. В голове осталась только одна картинка, от которой я улыбнулся, засыпая:

Белые трусики в клубничку.

Сначала я спал без сновидений. Потом через тьму пришло странное ощущение. Словно тёплое море накрывает с головой, медленно и неотвратимо. Мне снилось что-то приятное, расслабленное. Я не хотел просыпаться. Во сне чья-то рука коснулась моего паха.

«Боже, какой реалистичный сон…»

Я резко выдохнул сквозь сон, когда жаркая влага коснулась головки моего члена. Тело отреагировало мгновенно, быстрее, чем мозг. Я зарылся затылком глубже в подушку, стискивая зубы. Ощущения были слишком острыми, слишком настоящими.

Я открыл глаза. Оторвал голову от подушки.

«Это не сон. Мне кто-то…»

Глаза, привыкшие к тьме, выхватили силуэт девушки в

свете луны, что попадал через окно. Она сидела рядом, склонившись над моим пахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.